

УДК 821.161.1:82-32

Жанна Вячеславовна Костина
г. Барановичи, Беларусь

Классики русской литературы в филологической мысли Беларуси XIX века

В первой половине XIX столетия резко интенсифицируется взаимовлияние и взаимообогащение литератур через художественные переводы, а также критические оценки в разного рода публикациях – в научных статьях, в очерках о личности писателя и его творчестве, а также в художественных произведениях. В статье анализируются представления о русских писателях, характерные для филологической мысли Беларуси XIX столетия и нашедшие отражение в трудах Зориана Доленги-Ходаковского, Адама Мицкевича, Винцента Коротынского.

Ключевые слова: славянский мир, культурные влияния, литературно-общественное движение, художественный перевод, очерк.

Zhanna Vyzheslavovna Kostina
Baranovichi, Belarus

Classics of Russian literature in the philology of Belarus of the XIX century

In the first half of the 19th century, the mutual influence and mutual enrichment of literature through are intensified through the literary translations, also critical assessments in various publications does means: scientific articles, essays about the personality of the writer and his creation also literary work. The article analyzes the ideas about Russian writers that are characteristic of the philology of Belarus in the 19th century and are reflected in the literary of Zorian Dolengi-Khodakovsky, Adam Mitskevich, Vincent Korotinsky.

Keywords: Slavic world, cultural influences, literary and social movement, literary translation, essay.

Keywords: semantics, lexical unit, technique, device, sphere.

Славянский мир XIX века был объединен единой идеей, которая направляла народы на путь социального и национального возрождения. В этих условиях самые яркие представители каждого из славянских народов, прежде всего, стремились отыскать особенное в отечественной истории и культуре. Вместе с тем поиски конкретно национальных корней, истоков приводили к мысли о существовании древней общеславянской общности, отличающейся самобытностью представлений о мире и человека, окружающую природу и космос. Славянская картина мира существенно отличалась от миропонимания народов Западной Европы, Америки, Индии.

Изучить национальные особенности каждого народа, заглянув в дохристианскую культуру, в славянском мире впервые попробовал белорус Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя и фамилия Адам Черноцкий). Он родился в Минской губернии под Гайной, учился в Слуцке, поэтому называл себя «тутэйшым, или случчаком». З. Доленга-Ходаковский поддерживал теорию о происхождении славян из Индии, предложенную санскритологом Валентом Скороход-Маевским. Познакомившись с работой «Мифология славянская и российская» русского историка Андрея Кайсарова, выходца из Тамбовской губернии, наш соотечественник пишет программную работу «Славянщина до христианства». В ней обосновывается необходимость изучать устную поэзию славян, географические названия деревень, городов, рек, озер, ведь, как считает З. Доленга-Ходаковский, «славянский порядок оригинальный, присущий только нашим законодателям и предкам. Он через столько веков и в тысячах местах сохранился по сей

день. В этом проявилась славянская общность и единство; отсюда должное уважение к славянам, отсюда... все славяне должны быть удостоены венцом и названием Славы» [1, С. 45]. Заслуги Ходаковского высоко оценили его современники — И. Шафарик, М. Карамзин, И. Добровского, И. Лелевель, М. Погодин, А. Пушкин, М. Гоголь, А. Мицкевич. Белорусский славяновед очень высоко ценил историографическую деятельность Николая Михайловича Карамзина, русского историка, писателя, публициста, называя его русским Плутархам. В поисках ответа на вопрос: «Когда род славянский везде и во всех отношениях был единообразным? Не было ли сего до принятия христианского закона?» [1, С. 58] – в статье «Разыскания касательно русской истории» Ходаковский высказывает гипотезу относительно географии расселения славян на севере, а также происхождения славянских князей, в частности первого владельца Туровского княжества. При этом З. Доленга-Ходаковский оспаривает мнения русского историка: «Ежели б нашему пресловутому Карамзину были прежде известны песни южно-русские и мазовецкие, как в оных упоминается гневный тур с позлащенными рогами и турица, искавшая своего взятого туренятка, то вероятно не выписал бы из-за моря Варяжского основателя городу и княжеству? Туровскому и даром бы не увеличивал бы чужой деятельности в нашей земле?» [1, С. 60]. Не ставя под сомнение авторитет Невского Плутарха, (как называет он М. Карамзина), Ходаковский смело высказывает собственные позиции относительно славянщины и племен Руси, опираясь в научном поиске на такие источники, как песни, загадки, заговоры, обычаи, что бытовали в среде посполитого люда и

оставались неподлежащий чужим культурным воздействиям, в том числе влияния христианства.

За деятельностью С. Доленги-Ходаковского пристально следили участники Общества филоматов в Вильно – А. Мицкевич, Я. Чечот, А. Петрашкевич, Т. Зан, Э. Одынец, А. Ходько, которые создавали свои баллады, поэмы, романсы по фольклорным сюжетам. Адам Мицкевич пять лет прожил в России. Здесь он познакомился и подружился с лучшими представителями русской интеллигенции, писателями: Александром Пушкиным, Петром Вяземским, Евгением Баратынскому, Антоном Дельвигом, Николаем Полевым, Михаилом Погодин, Михаилом Глинкой. Особенно тесная дружба связывала Адама Мицкевича с Александром Пушкиным, свидетельством чего служат взаимные переводы их произведений. Пушкин упоминается в поэме А. Мицкевича «Дзяды». В разделе «Памятник Петру Великому» описывается встреча молодых поэтов, их первичное интуитивное принятие друг друга, личностная симпатия творцов, основанная на подобном восприятии действительности и отраженная в поэтическом мелосе. Мицкевич сравнивает себя и Пушкина с двумя скалами с обеих сторон бурной течения, вершинами встречаются «в небесной синий» поэзии, где «волн шум уже не слышен им» [3, С. 484]. Как известно, с 1829 года наш земляк живет в Западной Европе, работает профессором латинской литературы Лозанского университета в Швейцарии, а после преподает в парижском Коллеж де Франс.

Откликом на смерть Александра Пушкина стала статья Адама Мицкевича «Пушкин и литературное движение в России», опубликованный во французском журнале «Глоб» 25 мая 1837 г. В нем автор раскрывает истоки творчества русского классика, отмечает увлечение Пушкина поэзией Байрона, который «слишком рано вырвал его из чудесной школы Жуковского и на долгие годы заманил в фантастические пустыни и пещеры романтизма» [3, С. 561]. Руководствуясь, пока что интуитивно, методом историзма, А. Мицкевич так воссоздает для западноевропейского читателя общественную атмосферу России XIX века: «На Севере в моральных отношениях человек становится взрослым медленнее, чем на Западе. Общественная почва здесь содержит в себе гораздо меньше элементов брожения, чем в старой Европе; литературная атмосфера, которой там дышат, не в такой степени насыщена электричеством горячих чувств. В результате Пушкин начал творить слишком рано, растрачивая свой талант; излишне понадеявшись на свои собственные силы, он преждевременно ринулся в высшие сферы, где самостоятельно удержаться ему было трудно, и он попал в байроновскую орбиту, кружился вокруг этой звезды, как планета, что входило в ее систему и блестела ее светом. И действительно, в его произведениях первого периода все байроновское — и тема, и характеры, и идея, и форма» [3, С. 562].

Сближение Пушкина с царем Николаем I, за которое поэта обвиняли в честолюбии, предательстве патриотическим идеалам, Мицкевич обосновывает как тонкий психолог. По его мнению, самодержавец, пригласив творца на аудиенцию, «проявил предусмотрительность: он сумел оценить поэта; он понял, что Пушкин был слишком умным, чтобы злоупотреблять этой исключительной привилегией (поэт мог печатать все, не прося разрешения в цензуре), и очень благородный душою, чтобы не сохранить благодарную память о такой необычный подарок» [3, С. 564]. Рассматривая поэмы «Цыгане», «Мазепа», роман «Онегин», драму «Борис Годунов» с позиций историка литературы, Адам Мицкевич отмечает переходы Пушкина от одной творческой манеры к другой. Высоко оценивая литературное движение в России, он пишет: «Жуковский, поэт, полный благородства, утонченности чувств; Крылов, баснописец, богатый на фантазии, несравненный по выразительности слова; князь Вяземский, который своим красноречием мог бы прославиться даже среди французов, никто, однако, не заменит Пушкина» [3, С. 566]. Статья «Пушкин и литературное движение в России» был подписан так: «Друг Пушкина».

В «Лекциях о славянские литературы в Колледж де Франс (Париж)» наш соотечественник рассматривал деятельность Ломоносова в области филологии. Он утверждал, что русские писатели довольствуются только пением дифирамбов этому сообразительному ученому, называя его Петром Великим в литературе, и высказывал необходимость рассматривать поэзию этого реформатора с позиций литературных влияний: «Я думаю, что литературная борьба, которую вела тогда в Германии новая школа Бодмера и Брейтингера со старой школой силезских поэтов, борьба, что вызвало много шума, привлекло внимание Ломоносова и, возможно, вселило в него мысль о введении в России такой же реформы, которую Бодмер вводил в Германии» [3, С. 568].

Еще один крупный представитель филологической культуры Беларуси XIX века, который стремился познакомить соотечественников с соседней литературой, – Винцесь Коротынский, белорусский писатель и переводчик. Обвиняемый в антицарской пропаганде, он в 1866 году оставляет Вильнюс и работает как журналист в различных изданиях, а также составляет статьи для польской энциклопедии и «Календаря Яворовского» – биографические очерки о М. Ю. Лермонтове, Н.В. Гоголе, А. Э. Одынце, Ю. И. Крашевском, А. Мицкевиче. В статье «Николай Гоголь», вкратце излагая биографию, по его словам, «славянского юмориста», автор делает акцент на местном произношении фамилия Noholami, чтобы засвидетельствовать пинско-туровские корни рода писателя. В. Коротынский описывает ранние попытки творчества, когда М. Гоголь еще только ищет собственную тропу, и отмечает, что, найдя

соответствующее направление, «в ряде работ, одинаково прекрасно задуманных и с большой художественностью выполненных, начал он рисовать ежедневную окружающую действительность. ≤...≥ Каждое из этих произведений можно сравнивать с самыми гениальными живописными работами фламандской школы, яснеет таким глубоким наблюдением, впечатляет таким сильным концентрированием характеристики, завораживает такую свободой кисти, что только самые знаменитые английские мастера юмористики могут тягаться с Гоголем» [2, С. 224]. В. Коротынский стремится раскрыть природу таланта Гоголя, акцентируя внимание на оригинальной, даже гениальной композиции поэмы «Мертвые души», особенностях создания персонажей, которые возвышаются до образов-типов: «Гоголь был юмористом в глубоком значении того слова: не бессмысленная издевка, не легкомысленный шутка, а глубокая боль и скорбь проявлялись в его смехе. Прикованный природой своего таланта к вслушиванию в ничтожные мелочи

жизни, чувствуя их диссонанс со звуками идеала, который в душе своей носил, он невыразимо страдал и отчаивался, и это отчаяние без надежды породило тот юмор, который с весельем ничего общего не имеет» [2, С. 225]. В финале своих рассуждений автор статьи «Николай Гоголь» указывает на недостаточный уровень переводов произведения русского классика на польский язык и надеется, что следующие издания «искупить грехи предыдущих переводчиков» [2, С. 225].

Таким образом, в филологической культуре Беларуси XIX века сложилась довольно представительная течения творцов и мыслителей, которые ставили цель познавать литературу соседнего народа, приближать ее через переводы к активной читательской аудитории, объясняет авторский замысел и способы ее интерпретации в произведениях русских писателей с позиций тогдашней литературоведческой науки. Это способствовало формированию представлений о общеславянскую литературную пространство, где царили гуманистические идеалы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Даленга-Хадакоўскі, З. Выбранае / Зарыян Даленга-Хадакоўскі. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 448 с.
2. Каратынскі, В. Творы / В. Каратынскі. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 309 с.
3. Міцкевіч, А. Выбраныя творы / Адам Міцкевіч. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – 640 с.

REFERENCES

1. Даленга-Хадакоўскі З. Выбранае. Мінск: Кнігазбор, 2007. 448 р.
2. Каратынскі В. Творы. Мінск: Маст. літ., 2007. 309 р.
3. Міцкевіч А. Выбраныя творы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003. 640 р.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ж.В. Костина, аспирант (соискатель) филиала «Институт литературоведения имени Янки Купалы» ГНУ «Центр исследований белорусского культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», старший преподаватель кафедры филологии ГУО «Барановичский государственный университет», г. Барановичи, Беларусь, e-mail: 453463@tut.by, ORCID: 0000-0001-7237-9628.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Zn.V. Kostina, Graduate Student of the branch «Yanka Kupala Institute of Literary Studies», «Center for Studies of Belarusian Culture, language and literature of the National Academy of Sciences of Belarus», Senior Lecturer, Department of Philology State Institution «Baranavichy State University», Baranovichi, Belarus, e-mail: 453463@tut.by, ORCID: 0000-0001-7237-9628.